

МАРИЯ ПОКУСАЕВА

ЧЕРНАЯ НЕВЕСТА

роман

МИО

МИФ Проза

Мария Покусаева

Черная невеста

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Покусаева М. Н.

Черная невеста / М. Н. Покусаева — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214251-4

Флоренс Голдфинч юна и осторожна. Ее судьба предрешена опекуном: принудительное замужество либо тихая жизнь в обители Святой Магдалены. Но есть тайна, которая может открыться в самый неподходящий момент... Ронан Макаллан ценит доброе сердце и справедливость. Его жизнь посвящена служению закону: магия не может применяться во вред людям и миру. Но что случится, если однажды ему придется защищать того, кто убил человека магией?.. От автора Тут нет фейри, нет говорящих котов, нет вещих сновидений, сплошные обеды, пикники, разговоры, сплетни и ощущение духоты. О, я надеюсь, мне удалось передать эту замкнутость маленького девичьего мирка, в котором иногда ощущается свежий воздух. Потом началась моя любимая готика – и стало проще. Персонажи в «Невесте» не всегда однозначны. Пожалуй, только антагонист получился прямым и простым. Все остальные так или иначе проявят разные свойства и покажут разные стороны. Мне нравится придумывать, что определяет наши поступки, вредящие нам или миру, и нравится сочинять про это истории. Для кого эта книга Для поклонников романтического фэнтези. Для тех, кто хочет иметь у себя на полке книгу с волшебной обложкой и красивыми иллюстрациями. Для тех, хочет прочитать увлекательную книгу русскоязычного автора.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214251-4

© Покусаева М. Н., 2024
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2024

Содержание

I. Маргаритки	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария Покусаева

Черная невеста

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Мария Покусаева, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

I. Маргаритки

Глава 1

Флоренс не любила общаться с дядюшкой.

Тем более – в его кабинете.

За завтраком можно было сделать вид, что овсянка и сэндвичи с джемом требуют от тебя сосредоточенности (леди не говорят с набитым ртом), вечером – уйти к себе из гостиной (у леди может заболеть голова от тяжелых запахов, а кузен Бенджи в последнее время очень любил удовое дерево и сандал). Но кабинет, кабинет – это совсем другое. В кабинете говорят о важных вещах, а каждый раз, когда дядюшка говорил с Флоренс о важных вещах, это заканчивалось головной болью уже невыдуманной.

Восемь ступеней вверх, в башенку, по узкой лестнице, освещенной магическими светильниками. Стук в дверь – сердце падало куда-то к желудку, желудок, казалось, подкатывал к горлу. Интересная анатомическая реакция – Флоренс знала, что это лишь глупые метафоры, но именно они лучше всего описывали то, что она чувствовала, толкая тяжелую дубовую дверь.

В кабинете дядюшки всегда было чисто и пахло хвоей, табаком и бренди. И неприятностями. Сегодня там пахло еще и ладаном – как всегда, когда приходил отец Сэмюэль. Черная сутана делала его похожим на злого, нахохлившегося от холода ворона с по-лисьему хитрым взглядом, и приносил он обычно недобрые вести. И письма тоже недобрые, те, которые Флоренс предпочла бы не читать.

А вот дядюшка читать их любил – вслух, с выражением. Он обладал глубоким бархатным голосом и владел им не хуже иного актера. Флоренс знала, какие острые иглы могут прятаться в этом бархате.

– Мы ждали тебя, дорогая. – Дядюшка указал ей на кресло.

Сам он сидел за письменным столом – и, как ни странно, сегодня перед ним не было бежевого конверта, лишь графин с лимонадом и хрустальный бокал. В графине плавали зачарованные металлические кубики. Они не позволяли льду таять даже в такую жару, как сегодня, так что лимонад был холодным, а стекло – запотевшим.

Отец Сэмюэль стоял у окна, заложив руки за спину. Когда Флоренс вошла, он обернулся и одарил ее лучшей из своих улыбок, предназначенных для добродетельных девиц. Девицам, в чьей добродетели он сомневался, отец Сэмюэль улыбался иначе – скорбно, словно мысли о розгах и публичном порицании причиняли боль ему самому.

– Здравствуй, дитя, – сказал он и протянул руку.

Флоренс подошла ближе, поклонилась, коснувшись губами серебряного перстня на пальце священника, и лишь потом села в кресло. На самый краешек, положив руки на колени и выпрямив спину.

От запаха ладана мутило.

– Доброго дня, отец Сэмюэль, – сказала Флоренс. – Доброго дня, дядюшка Оливер.

Дядюшка кивнул. Они не спешили ей что-то говорить, и Флоренс заволновалась.

– Что-то с матушкой?

Отец Сэмюэль совершенно не по сану хохотнул.

– Похвально стремление дочери узнать, все ли хорошо с матерью ее, но нет, дорогая Флоренс. – Он сел в кресло напротив. – Сегодня речь пойдет не о ней.

Кресло словно бы вздохнуло, поскольку тело отца Сэмюэля больше подходило не священнику, а грузчику в доках – так говорил кузен Бенджи, сама Флоренс ни в каких доках, конечно, никогда не бывала.

Тишина повисла такая, что до Флоренс донеслось хрипловатое дыхание отца Сэмюэля. Ему было душно: стояло начало лета, но погода решила пошалить, и жара нарастала. Худенькой Флоренс с волосами, забранными наверх, и в легком платье – нежный сатин цвета сливок, воздушная вышивка на коротких рукавах – было душновато, но терпимо, а вот отцу Сэмюэлю наверняка приходилось тяжело. Делиться с ним лимонадом дядюшка Оливер не спешил.

– Осенью тебе исполнится восемнадцать, Флоренс. – Дядюшка говорил ласково и спокойно.

– Да, это так, сэр, – отозвалась она и потупила взгляд.

Светлый ковер под ногами сиял чистотой – горничные вымывали его каждый вечер, так что утром в кабинете пахло лимонным мылом. Флоренс посмотрела на свои атласные туфельки и свела стопы вместе, носок к носку, пятка к пятке.

– Десять лет я воспитывал тебя, как родную дочь, – продолжил дядюшка Оливер тем же тоном. Почти торжественным. – Оплачивал твои наряды, твою учебу в пансионе, который, к сожалению, разочаровал нас всех...

Отец Сэмюэль кашлянул, потому что при разговоре о пансионе Оливер Силбер терял всю уверенность и спокойствие.

– Твои книги и еду на твоей тарелке, – закончил дядюшка.

Его холодные серые глаза потемнели. Силберы все были такими, холодными, как ледышки, только Флоренс получила от отца другую масть: матушка говорила, что ее волосы похожи на красное золото, тусклое от старости, но драгоценное. А глаза как бренди, шутил отец, и они все смеялись. Дядюшка Оливер смеяться не любил, делал это неохотно и редко.

– Я благодарна вам, дядя. – Флоренс снова опустила взгляд на ковер.

Однажды, давно, ей пришлось вычистить его: чудодейственное лимонное средство от грязных пятен щипало, когда попадало на царапины. Царапины были от осколков: маленькая Флоренс, дочь незадачливого растяпы-художника и взбалмошной Аделины Силбер, позора семейства, так не хотела слушаться мудрого дядюшку, что с яростью бросила на пол хрустальный стакан с бренди. Дядюшка Оливер тогда был искренне удивлен. Очень удивлен – и очень зол, после этого он пообещал племяннице, что еще одна такая выходка – и она отправится в обитель Святой Гертруды, где от таких выходок лечили ваннами с холодным льдом, ментальными чарами, от которых болела голова, и кровопусканием.

Это был единственный раз, когда дядя заставил Флоренс делать черную работу.

Но Флоренс больше не кидала ни в стены, ни об пол ничего, что могло бы расплескаться или разбиться, не из страха перед наказанием. Служанок было жалко – им же все убирать.

– Но ты понимаешь, Флоренс, что у меня есть собственные дочери, – продолжил дядюшка после недолгой заминки.

Слова давались ему не без труда, он подбирал их тщательно, словно готовясь сообщить что-то неприятное. Флоренс не могла припомнить такой заботы с его стороны: дядюшка всегда был прям, как удар шпаги, и так же безжалостен. Ко всем, исключая, пожалуй, тех, у кого было побольше власти и денег, чем у него.

– И я должен позаботиться о их будущем. Ты понимаешь, к чему я веду?

Флоренс посмотрела на породистое дядюшкино лицо и растерянно моргнула. Она догадывалась. Но догадываться – это не знать, а дядюшка предпочитал четкие ответы. Даже если сама формулировка четкости не предполагала. И не примут ли прямой ответ за дерзость?

– К сожалению, дядюшка, я не понимаю, к чему вы ведете, – покорно сказала Флоренс.

Дядя Оливер скривился.

– Ваш дядюшка, мисс Голдфинч, пытается сказать о том, что приходит время выбирать свою судьбу, – пробормотал отец Сэмюэль. – Но его волнение перед этим столь велико, что он идет окольными путями. У благонравной девицы, мисс Голдфинч, не обладающей ни высоким положением в обществе, ни богатым наследством, есть два пути: путь покорности и путь замужества. Стать невестой Бога или невестой человека, согласившегося взять ее в свою семью и заботиться.

Флоренс поняла и похолодела.

– А третий? – вырвалось у нее.

– Я не буду содержать тебя до старости, – холодно произнес дядя Оливер. – И даже не мечтай о том, чтобы работать, я не позволю тебе позорить нашу семью еще больше!

Последнее он почти выкрикнул: заметил, как Флоренс дернулась, собираясь возразить. Она испуганно затихла и шмыгнула носом.

– Тише, сын мой, – сказал отец Сэмюэль так спокойно, словно перед ним был не один из самых богатых людей города, а расстроенный мальчишка. – Гневливость – это грех.

Дядя Оливер налил в стакан лимонад и осушил его тремя мощными глотками. Самообладание возвращалось к нему.

– Ты хорошенькая девица, Флоренс, – сказал он. – И умненькая, просто от своей матери унаследовала слишком горячий нрав. И твои мысли, кажется, не испорчены романтической ерундой об истинной любви, так что нам с тобой будет просто. Я дам за тебя приданое.

Он сказал это так, будто пообещал ей корону или место в Сенате, хотя Флоренс отлично знала, что имеет на приданое такое же право, как и родные дочери Оливера Силбера: скромное наследство ее матери лежало в банке и ждало, когда Флоренс достигнет восемнадцати. В самых смелых мечтах Флоренс эти деньги становились ее билетом в большой мир, а не приданым.

– Спасибо, дядюшка, – сказала Флоренс.

Она понимала, что мечты о большом мире и независимости очень смелы – слишком смелы, – но в носу защипало. Дядюшка непрозрачно намекнул, что деньги Флоренс увидит только в случае, если выберет одну дорогу из двух предложенных. Ту, на которой ее ждали кольцо, фата и муж. А если Флоренс решит пойти путем покорности, то есть отправится в монастырь, в котором сейчас живет ее матушка, деньги перейдут монастырю.

Будь дядюшка Оливер более... душевным, любящим, внимательным? Открытым новому? Будь он более мягок, возможно, он бы отпустил ее. Флоренс помнила женщин, приходивших в дом ее отца: некоторые даже были замужем, но оставались вольными и принадлежали в первую очередь самим себе.

Такое в семье Силберов даже представить не могли!

– Твоя мать, Флоренс, доставила нашей семье немало неудобств, – сказал дядя Оливер. Он смотрел очень пристально, отчего вдруг стало неуютно. – Ее брак был ошибкой, а я не хочу повторения этой ошибки, поэтому сам выберу тебе достойного мужа. Того, кто не запятнает нашу честь.

Флоренс не сразу поняла, что он имел в виду. Конечно, договорные браки не были редкостью, да и сам брак нес скорее прагматический, чем романтический смысл. Флоренс слышала, как ее сестры обсуждают балы и приемы, прогулки в парках и письма от кавалеров. За самой Флоренс никто не ухаживал, потому что дядюшка прятал ее от света. Не намеренно, не запирая в комнатах, когда приходили гости, просто Флоренс воспитывалась в пансионе и в доме дяди появлялась нечасто. В ее жизни было мало праздничных вечеров и совсем не было балов, а болтовне и сплетням она предпочитала книги. После возвращения к дядюшке жизнь Флоренс не слишком изменилась – для этого прошло недостаточно времени.

– Если у тебя есть друг сердца, дитя, – сказал отец Сэмюэль куда мягче и ласковее, чем дядюшка, – расскажи о нем. Может быть, он хороший юноша...

– Нет у меня никого, – ответила Флоренс, глядя священнику в глаза.

Откуда взяться в ее жизни хорошему юноше?

Это было дерзко, но отец Сэмюэль не укорил ее, только сделал печальный вид и покачал головой.

– Тем лучше. – Дядя Оливер удовлетворенно усмехнулся. – Тем лучше для тебя, Флоренс, что твоя судьба пока пустой лист. До середины осени ты будешь помолвлена...

– А если нет, – теперь улыбка отца Сэмюэля показалась Флоренс странной, пугающей – так улыбался бы паук, заполучивший в свои сети муху, – если нет, то для тебя готово место в монастыре Святой Магдалены.

Ронан Макаллан приближался к тому возрасту, когда, по мнению всех вокруг, джентльмену давно пора было выбрать себе хорошенькую девушку с достойным приданым и остепениться. Ронан на мнение окружающих плевал с колокольни собора Святого Патрика. Жениться он не планировал, и на то было много причин.

Во-первых, Ронану неплохо жилось одному.

Приличный особняк на Грейволл-сквер давно стал уютным холостяцким логовом, а единственной женщиной, которой разрешалось переставлять фигурки на каминной полке и высказывать Ронану за пыльные портьеры, была экономка миссис Блум. Ронана это совершенно устраивало.

Во-вторых, у Ронана была работа.

Не лучшая в мире, но бесконечно любимая, хотя, конечно, иной умник сказал бы, что Черный королевский ловец не та карьера, к которой должен стремиться сын Алека Макаллана, младший он или нет. Ловля колдунов, преступивших закон, была для Ронана сродни азартной охоте, обжигающе острой, звенящей опасностью.

На родине Макалланов верили в Дикую Охоту, осенний призрачный гон, когда духи иного мира проносятся в темных небесах, – горе тому, кто услышит их зов! Вот для Ронана очередная погоня за колдуном была сродни этому зову. Работа над запутанными делами обостряла чувства, ощущение риска заставляло мысли бежать быстрее гончих, и это все делало Ронана живым – сосредоточивало его на настоящем, вырывало у живших в голове призраков прошлого.

Ронан Макаллан не хотел жениться и еще по одной причине: однажды у него уже была невеста. Была – да перестала быть.

Граф Эдвард Милле, начальник и близкий друг Ронана, встряхнул белую салфетку и положил ее на колени.

Серебряные столовые приборы сверкали в свете десятков свечей; густое красное вино наполняло хрустальные бокалы; пахло женскими духами, томленной с розмарином говядиной и апельсиновым пуншем. Матушка Эдварда, Имоджена Милле, давала прием, торжественный ужин, на котором Ронан чувствовал себя среди цвета аристократии Логресса как матерый пес в окружении пушистых котят. Кровь сыновей Эйдина, дикой северной страны, подарила Ронану резкие, острые черты лица и высокий рост: темноволосый и угрюмый, даже в обычной одежде, а не в черной форме ловца, он притягивал косые взгляды.

Но обижать леди Имоджену не хотелось: она была прекрасной женщиной, почти как мать самого Ронана, да будет заоблачное царство для нее уютным домом. По крайней мере, ей хватало такта не называть взрослых мужчин «мой мальчик» и не расспрашивать их, что они думают о той или иной незамужней девице, сидящей прямо тут, за широким длинным столом. А вот леди Тулли, пухленькая, смешливая дама за пятьдесят, вдова лорда Тулли и мать двух его сыновей, кадетов Королевской морской академии, путала флирт с бестактностью. Имоджена посадила ее рядом с Ронаном, может быть желая смягчить его обычную суровость соседством с кем-то, чье настроение не испортило бы даже известие о том, что флот генерала Уилли затонул в Северном заливе и война с Луарой будет проиграна.

– Абигейл Уоррен сегодня чудо как хороша! – заговорщически прошептала леди Тулли рядом с ухом Ронана.

– Несомненно, – любезно отозвался тот, бросив взгляд на Абигейл.

Хрупкая блондинка в голубом сатине, настолько тонкая, словно дома ее морили голодом, улыбалась своему соседу. Глаза ее буквально лучились – такой блеск Ронан тоже часто видел у голодных.

– А крошка Мэйфлауэр?!

Крошка Мэйфлауэр и правда была крошкой: по-детски тонкие ручки высывались из рукавов нарядного, слишком взрослого для нее платья. Она сидела между матерью и смутно знакомым Ронану джентльменом, годящимся ей в отцы, и очень смущалась, когда этот джентльмен за ней ухаживал. Совершенно по-отечески, надо сказать.

– Через пару-тройку лет станет настоящей красавицей, – улыбнулся Ронан.

Леди Тулли сникла.

– Вы упускаете шанс, мистер Макаллан, – сказала она, махнув на Ронана рукой в атласной перчатке. – Нужно выбирать невесту заранее, а то самых красивых разберут до того, как вы успеете познакомиться.

– Он просто уже женат, – улыбнулся Эдвард.

Он сидел напротив них, спокойный, стройный, почти настоящий логресский принц – в родстве с принцами он, кажется, был по линии матери. Отблески свечей играли на коротких светлых волосах, темный костюм украшала вышивка серебряной нитью – родовые символы, древняя вязь.

Леди Тулли встрепенулась, как удивленная сова.

– На работе, – добавил Эдвард.

Ронан посмотрел на него тем своим взглядом, от которого подозреваемых бросало в холодный пот, а подчиненные начинали работать в три раза усерднее. Эдвард был готов рассмеяться.

– А сам-то ты, милый, что думаешь? – Леди Тулли сощурилась и покрепче перехватила вилку, словно намеревалась пустить ее в ход против новой жертвы. – Твоя мать шепнула мне по секрету, что у тебя на примете есть девица!

Эдвард подвинул к себе тарелку с овощной нарезкой.

– Пять девиц, леди Тулли, – сказал он, хитро улыбаясь. – Не могу выбрать достойную.

– И как же ты думаешь ее выбрать, мой мальчик?

– С помощью графиков и схем, – ответил Эдвард. – Устрою им испытания и решу.

– Как бы тебя с таким подходом эта достойная не отшила, – проворчала леди Тулли, а Эдвард рассмеялся в ответ.

Его сосед, старик Ричардсон, успевший задремать над порцией пудинга, проснулся и растерянно заморгал.

– Значит, пять девиц?

В курительной комнате они остались одни. Эдвард расслабленно сидел в одном из глубоких темно-зеленых кресел и развлекался тем, что тасовал колоду новеньких карт. Ронан курил.

– Должен же я был что-то сказать, чтобы милая леди Тулли не начала сватать мне каждую свою знакомую?

Эдвард бросил это беззлобно, с той иронией, с которой достойные молодые люди обычно отзываются о причудах старших родственников. Если бы Ронан захотел, он бы вспомнил, кем именно леди Тулли приходится Эдварду Милле, – как любой аристократический род Логресса, семья Милле пустила корни глубоко и переплелась с другими семьями так, что поди разбери, кому достанутся в случае чего наследство и титул.

– Только не говори, что твоя матушка позвала меня намеренно.

– Что ты. – Эдвард не отрывался от карт. Руки у него были ловкими – руки шулера, вора или мага, а не молодого джентльмена из благороднейшей семьи.

Молодые джентльмены из благороднейших семей не держали ничего тяжелее трости или шпаги, может быть – изящного охотничьего ружья. Эдвард же не чурался лопаты – было дело, в далеком прошлом им вдвоем пришлось выкапывать кое-что из могилы на городском кладбище.

– Что ты, Ронан Макаллан, – повторил Эдвард насмешливо. – Моя матушка лишь проявляет участие и выражает почтение тебе как человеку, с которым ее любимый сын вынужден проводить большую часть времени. Она переживает, что, если не будет звать тебя на каждый торжественный обед и в твоей тарелке вдруг окажется меньше угощения, чем следует, ты утратишь бдительность и в следующий раз не защитишь меня ни от заклятий, ни от шальной пули.

А это случилось после лопаты. На память у Ронана остался шрам рядом с ключицей, там, где из его тела достали несколько грамм зачарованного металла. Вспоминать это было неприятно, и плечо опять начинало болеть.

Слуга вошел в комнату, забрал накопившийся мусор и исчез за дверью.

Эдвард выждал. Его руки застыли, монотонный шелест, с которым карты перемещались, ударяясь друг о друга, стих.

– Кстати, о заклятиях и пулях.

Ронан пошевелил плечом, проверяя, двигается ли оно как прежде, и перевел взгляд с огонька сигары на своего начальника и друга. Эдвард был серьезен.

– Мне нужно, чтобы ты сопровождал одно высокопоставленное лицо, – сказал он. – Знаю, знаю! – Он махнул рукой, словно заранее ожидал возражений. – Тебе не нравится, когда я прошу тебя о подобном.

Ронан действительно сейчас смотрел на него осуждающе и устало.

– Но это лицо всерьез переживает, не пытаются ли его как-то подставить. Или навредить иным способом.

– Паранойя или капризы очередного бездельника? – спросил Ронан с холодной деловитостью.

Если бы леди Тулли столкнулась с таким Ронаном, пожалуй, она не только прекратила бы ласково называть его «мой мальчик» и в шутку сватать ему всех присутствующих в зале девиц, но и предпочла бы больше никогда не иметь дел ни с ним, ни с кем-либо из его окружения.

– Скорее, первое. Подозрительность, разыгравшаяся из-за пары важных политических процессов. У меня есть основания думать, что небезосновательно. Так что? – Он хлопнул себя по колену.

– Я бы хотел сначала поговорить с этим твоим лицом. Но не сегодня. – Ронан откинулся на спинку кресла и затянулся трубкой. – От жены сбежать легче, чем от работы, – проворчал он, и Эдвард рассмеялся.

– Вот однажды и сравнишь.

Глава 2

Кузен Бенджи появился, как всегда, поздно, Флоренс уже думала, что он не придет.

Она просидела у себя в комнате весь вечер, не спустилась к ужину, отговорившись головной болью. От слез голова и правда разболелась, стала тяжелой, а в глаза словно кто-то швырнул песок. Когда Бенджи постучал, Флоренс как раз пыталась прикладывать к ним компрессы с цветочной водой.

Он принес поднос с куском сладкого пирога и чашкой чая.

– Я подумал, ты будешь голодна.

Флоренс и правда очень проголодалась – настоящей леди полагалось обладать не волчьим аппетитом, а птичьим, но рядом с Бенджамином Силбером можно было снять все маски.

– Что сказал отец? – спросил он, устраиваясь в кресле, пока Флоренс с аппетитом поедала пирог.

– До середины осени я буду помолвлена, он сам выберет мне жениха.

– Сам? – Бенджи приподнял брови. – Как именно он сказал?

Флоренс ненадолго задумалась и смахнула пристающую к губам сахарную крошку.

– Что сам выберет мне мужа, чтобы я не запятнала честь нашей семьи, как моя мать.

Она нахмурилась: даже сейчас эти слова прозвучали так, что захотелось отмыться. Флоренс сегодня уже мылась – горничные косились на нее неодобрительно, еще бы, сиротка-приемыш решила воспользоваться ванной и заставила их таскать воду! Но после беседы с дядюшкой и отцом Сэмюэлем Флоренс всеми силами пыталась смыть с себя воспоминания, а особенно запах ладана. До сих пор казалось, что от волос пахнет им, а не травяным мылом.

Бенджи молчал. Флоренс знала, что он думает, ищет решение – за маской светского щеголя и порядочного засранца скрывались хитрый, изворотливый ум и доброе сердце. Брови кузена сошлись на переносице, между ними пролегла складка, взгляд устремился куда-то на стену – там висели рамочки с засушенными цветами под стеклом. Но вряд ли Бенджи рассматривал их, скорее, был погружен глубоко в себя.

Его молчание отзывалось холодом в животе и пугающим чувством безысходности. Флоренс подавила желание всхлипнуть и сказала – голос, конечно, ее подвел:

– Я хочу сбежать.

– Куда? – коротко спросил Бенджи.

– У меня есть адрес мисс Лилиан. Из пансиона Святой Марты. Она живет где-то в городе и писала мне, что я могу обратиться к ней в случае нужды, – быстро-быстро проговорила Флоренс, опасаясь, что он перебьет ее. – Я сбегу, а потом она поможет мне снять деньги со счета!

Она обдумывала это весь остаток дня, решала в голове, как задачу по арифметике, – арифметику мисс Лилиан и преподавала. В голове Флоренс все было ясным, как божий день,

и простым, как слова молитвы. Ведь мисс Лилиан так много говорила о том, что женщина может выбрать иные пути! И обещала Флоренс поддержку в случае чего.

– Фло, – только и сказал Бенджи и перевел взгляд с гербария на кузину.

Ласковый, но осуждающий взгляд.

– Что? – Флоренс поставила чашку на блюдце. – Это звучит как план побега!

– Фло, – повторил Бенджамин твердо. – Мисс Лилиан может быть не до тебя. Ты хотя бы пыталась узнать, где именно она живет? Чем занимается? Может быть, нужда – это не нежеланное замужество.

Но Флоренс не слушала его. Она вскочила и помчалась к постели – в прикроватной тумбе в шкатулке с хитрым замочком, изобретением отца Флоренс, хранились письма. Важные письма. Дорогие письма. Письма, которые никто не запрещал получать, но Флоренс все равно чувствовала себя неуютно, когда отвечала на них, словно ходила по лезвию.

Потому что мисс Лилиан уволили: арифметика и другие науки смущали девичий ум, воспитанницы становились нервными и слишком много думали. Делать цветы из бумаги и обучаться ведению домовых книг куда приятнее и полезнее для будущих жен и матерей. Многих вообще забрали из пансиона: родители боялись, как бы другие наставницы не последовали примеру мисс Лилиан. Флоренс уехала несколько месяцев назад, одной из последних: дядюшка долго не хотел забирать ее, потому что заплатил за учебу вперед, но в итоге сдался и он.

Флоренс любила писать письма и получать их – она тратила подаренные ей деньги на конверты, бумагу, открытки, ленты, которыми перевязывала аккуратные стопочки своей корреспонденции. И почерк у нее был превосходный.

Так что общение с бывшей наставницей здесь, в столице, она продолжила, выведав нужный адрес у одной из знакомых по пансиону. Писем – коротких, емких, будто мисс Лилиан экономила и фразы, и бумагу или боялась, что в случае, если письма обнаружат, ее слова повредят бывшей ученице, – было мало. Флоренс вытащила одно из стопочки и протянула кузену.

– Здесь адрес.

Бенджамин бросил короткий взгляд на ровные чернильные строки и с печальным смешком вернул конверт:

– Это трущобы, Фло. Темная утроба города. Чем бы сейчас ни занималась мисс Лилиан, поверь, она будет рада, если ты не станешь искать ее в этих местах одна.

– Но ты пойдешь со мной! – заявила Флоренс так уверенно, словно он не мог отказать ей. Не мог же?

Бенджамин улыбнулся.

– Нет, милая, – сказал он.

Руки Флоренс опустились, плечи поникли. Отказ был что удар под дых, вновь захотелось расплакаться. Бенджамин встал с кресла. Он подошел к столику, на котором стоял графин с водой – на дне, конечно, волшебный холодный камешек, сохраняющий ее свежей и прохладной, – наполнил стакан и отдал Флоренс.

– Послушай, – начал он вкрадчиво. – До осени еще уйма времени. Есть шанс придумать что-то более надежное, чем мисс Лилиан. Я разузнаю о ней, если тебе это важно.

– Обещаешь? – Флоренс подняла на него взгляд.

– Обещаю, – сказал Бенджи. – Но и ты пообещай мне подумать как следует. Бегство, Флоренс, не всегда означает свободу.

Бенджамин был предельно серьезен – даже странно для того, кто, по мнению собственного отца, мог лишь прожигать жизнь и фамильное состояние. Впрочем, возможно, лорд Силбер не хотел видеть в сыне кого-то другого, а Бенджи со временем утратил желание показывать отцу этого другого себя. Вот и изображал безалаберного повесу, пока мать, сестры и сам Оливер Силбер маячили где-то рядом.

С Флоренс он был настоящим. Потому что в ней лорд Силбер тоже отказывался видеть кого-либо, кроме дочери Аделины – глупой, бесстыдной, порочной, неправильной Аделины, посмевшей сделать не тот выбор, который ждала от нее семья.

– Ладно, – сказал Бенджамин и ласково дотронулся до плеча кузины. – Час уже поздний. С утра думается лучше, так что ложись спать, Фло.

Она скупно кивнула, не поднимая взгляда от стакана. Вода дрожала. В пальцах Флоренс появилась знакомая слабость, в горле – легкая щекотка, идущая откуда-то из груди. Верный признак надвигающегося приступа.

– Фло?

– Минуту!

Она бросилась к туалетному столику и поставила стакан на него – так резко, что вода едва не выплеснулась. Среди пузырьков и баночек, хрустальных, фарфоровых и из темного аптечного стекла, Флоренс пыталась найти один-единственный серебряный флакон с прочной защелкой и именной гравировкой.

Бенджамин замер, поняв, что произошло. Странная болезнь, спутница Флоренс с самого детства, иногда возвращалась – в минуты волнений, к примеру, или после других недугов. Или когда происходило что-то, способное выбить ее из обычного почти спокойствия – того, с которым добрая, ироничная Флоренс переживала почти все невзгоды. В прошлый раз приступ чуть не случился в пансионе незадолго до отъезда. Бенджамин знал о нем из письма кузины.

За одним могли последовать и другие, так что Флоренс держала рядом пилюли. Одну она и проглотила сейчас, запив водой.

Бенджамин с тревогой наблюдал, как Флоренс стоит, прислонившись спиной к стене и прикрыв глаза, и дышит – правильно, размеренно, так, как учил ее врач, прописавший пилюли и выдававший на них рецепт. Раз в полгода рецепт приходилось обновлять; для этого врач приезжал в дом в один из дней, когда леди Кессиди Силбер не ждала никаких гостей.

Это было совсем не то, чем семья могла бы гордиться. Бенджамин, по его собственным словам, не знал, что в глазах отца хуже: поступок Аделины или болезнь, которая сидит в ее дочери. Возможно, Оливер Силбер видел в этом что-то сродни воле providения, наказание ребенка за грехи его матери, но за услуги врача платил исправно и за пилюли тоже.

Рецепт хранился у Флоренс, лежал в надежном месте, а до ближайшего визита врача оставалось чуть больше полутора месяцев.

Флоренс, в спешке и панике сегодня придумавшая план побега, почему-то забыла включить в уравнение одну переменную – того, кто заплатит за услуги лекаря и за само лекарство, если она сбежит от Оливера Силбера к женщине, живущей в трущобах.

– Ох, дорогая! – Леди Кессиди всплеснула руками. – Я так за тебя рада!

Радость на ее лице была неподдельной, только – Флоренс могла поспорить на золотой, припрятанный под нижним бельем в комод, – радовалась леди Кессиди не тому, что девица-приемыш, подопечная ее мужа, наконец обрела какую-то определенность в судьбе. Нет, радовалась она совсем иному: теперь-то эта девица из дома исчезнет, ждать остается недолго, до середины осени – а то и меньше.

– Что вы, тетушка! – Флоренс опустила ресницы и осторожно сделала глоток кофе из маленькой фарфоровой чашечки. – Я пока не получила ни одного предложения!

– Ах! – Леди Кессиди прижала руку к груди. – Я уверена, Оливер все быстро уладит.

Флоренс не сомневалась в этом, только вот радоваться не могла.

Была пятница, и в женской гостиной за завтраком пили кофе с булочками, а не травяной чай, как обычно. Леди Кессиди сидела на софе, раскинув юбки, слишком пышные для утреннего платья. Волосы ее, намотанные на папильотки, скрывала шелковая косынка, а под глазами белел толстый слой крема – какой-то очередной «Чудодейственный целительный вондеркрим мистера Н.», выписанный по каталогу. Леди Кессиди очень любила каталоги и выписывала по ним все «чудодейственное» или «волшебное».

Дженни, младшая дочь Силберов, страсть матери разделяла. Баночки, бутылочки, корбоочки, от которых пахло аптекой, а также всевозможные хитрые устройства вроде охлаждающих камней для снятия отеков заворачивали ее и манили, как сороку – блестящие безделушки.

А вот Матильда, старшая, презрительно кривила нос.

Они были здесь обе: белокурая красавица Дженни, чертами лица пошедшая в мать, а мастью в Силберов, и хмурая, надувшаяся как мышь на крупу Матильда. С книгой, конечно, хотя в обществе считалось, что чтение для девиц – напрасная трата времени и враг красоты.

Должно быть, в случае с Матильдой леди Кессиди просто махнула на все рукой: ее старшая дочь была поразительно некрасива. От Бенджамина Флоренс слышала, что один из самых несдержанных на язык повес сочинил как-то про Матильду стишок, где сравнил ее с большой злобной жабой. Ужасно – Флоренс, случись с ней подобное, никогда не вышла бы из дома и даже из комнаты и вообще умерла бы от рыданий, но Матильда то ли не знала о стихотворении, то ли умело прятала переживания где-то в глубине своей души.

Рот у нее и правда был жабым – слишком широким и тонким, а глаза очень злыми. Умными и злыми. Матильда понимала, что ей, в отличие от дурочки-сестрицы, не стоит ждать от мира подарков. Это Дженни могла взмахнуть ресницами – и подарки падали к ее ногам, на тарелке оказывалось самое вкусное пирожное, а отец, ворча, подкидывал немного монет на ленты и мороженое. Матильде лент и мороженого тоже хотелось, поэтому она научилась быть тем, кого отцу так не хватало и кем так и не стал Бенджамин. Умным ребенком. Любимой дочерью, на которую можно положиться и таланты которой стоят не меньше, а то и больше, чем красота и нежное очарование другой.

Флоренс знала, что из этих двоих больше опасаться стоит именно Матильду. Дженни, впрочем, тоже умела вонзать острые коготки в чужую плоть и душу.

– Мама, – сказала она серьезно и тряхнула головой так, что серебристо-белые локоны изящно скользнули по плечам. – Почему папа выдает замуж сначала ее?

Пухлые губки Дженни обиженно дернулись, жабий рот Матильды, наоборот, скривился в ехидной усмешке, тут же прикрытой книгой, пока мать ничего не заметила. Флоренс постаралась сохранить спокойствие, такому в пансионе тоже учили, и учили хорошо. Можно сказать, доходчиво.

Дженни стоило бы задать этот вопрос не в присутствии Флоренс, конечно, а еще лучше – когда окажется с матерью наедине. Чтобы не дать сестре повода язвить насчет иных бестолковых девиц, неспособных удержать язык за зубами. Впрочем, Флоренс иногда ловила себя на мысли, что кузина совершает глупости не потому, что сама глупа, нет, Дженнифер Силбер хорошо понимала, что некоторые вещи сойдут ей с рук, если все будут считать ее очаровательной дурочкой. Даже подлость или воровство, главное – не попадаться.

– Дженни, будь добрее, – невозмутимо ответила леди Кессиди. Несмотря на крем под глазами, она нахмурилась и покачала головой. – Флоренс – племянница вашего отца и ваша кузина. Вам следует с уважением относиться к его решению дать ей место в доме и шанс на счастливое будущее. Дорогая, – сказала она уже Флоренс. – Мой муж сам займется выбором достойного молодого человека, я правильно понимаю?

Флоренс вздрогнула: вопрос вырвал ее из глубокой задумчивости, да и сам по себе был не особо приятен.

– Если я правильно поняла дядюшку Оливера, – медленно проговорила она, подбирая слова так, чтобы они прозвучали как можно нейтральнее, – то да, леди Кессиди, он намеревается сам заняться поисками.

А тебе, дорогая Флоренс, лишь останется принять его волю, а затем и волю того, кого выберут тебе в мужья.

От этой мысли в животе шевелилось что-то неприятное и холодное и губы немели. Интересно, другие девушки так же принимают свою судьбу?

Леди Кессиди вдруг фыркнула, словно Флоренс сказала что-то одновременно возмутительное и забавное.

– Мой муж – умнейший человек. Но что-то мне подсказывает, что он совсем ничего не смыслит в брачных сделках. Товар, милая, нужно показать лицом, – сказала она деловито и подняла палец. Дженни наострила уши. – А ты то заперта в пансионе, то в стенах своей комнаты, то в монастыре Святой Магдалены...

– Я занимаюсь благотворительностью, леди Кессиди, как того желает дядя. С позволения отца Сэмюэля, как полагается благочестивой девице. Вы же знаете...

– Ах, оставь! Мои дочери не раздают милостыню и не учат приходских детей чистописанию. Становятся ли они от этого менее благочестивыми? – Леди Кессиди потянулась за хлопковой салфеткой и начала почти раздраженно стирать крем. – Оливер слишком заиклен на твоей матери, дорогая, – сказала она прямо. – И не хочет замечать очевидного. Ты симпатичная девушка, Флоренс Голдфинч, всегда была. И если нужно выдать тебя замуж, я найду тебе жениха быстрее, чем мой муженек успеет составить брачный договор!

Флоренс чуть не выпустила из пальцев чашку. Воодушевление, которым загорелись глаза леди Кессиди, пугало даже больше, чем беседы с дядюшкой в кабинете. Чего ожидать от дядюшки, Флоренс знала. Примерно предполагала. А вот с его женой, своей тетей не по крови, а по закону, Флоренс общалась мало – меньше, чем было нужно, чтобы этот внезапный порыв выглядел искренним желанием помочь племяннице. Но все шло так, как предположил Бенджи: леди Кессиди обрадовалась, что бедная сиротка скоро уедет из дома. Значит, больше женихов достанется ее родным дочерям.

А вот они пока были скорее недовольны.

Лицо Дженни обиженно вытянулось, но прежде, чем она успела что-то сказать, Матильда ощутимо ударила ее пяткой по голени – тайный знак, что пора замолчать, пока никто не наговорил лишнего.

Леди Кессиди лениво встала с места и, проходя мимо Флоренс, почти ласково погладила ее по голове.

– Сегодня пойдешь с нами на прогулку в парк, – проворковала она. – Можешь начинать собираться. А я пока поговорю с Оливером.

Глава 3

Ронан ожидал подвоха. Конечно, ведь когда Эдвард Милле о чем-то его просил вот так, в курительной комнате или за ужином в клубе, это означало, что все куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Дела у Эдварда всегда были деликатные – настолько, что он старался не посвящать в них лишних людей. Такие дела и составляли его работу, карьеру, которой Эдвард дорожил.

Любой юноша, занимающий в мире логресской аристократии то же место, что юноша из семьи Милле, мог позволить себе нескончаемую праздность и беспечность. Их жизнь составляли званые ужины, балы, скачки, вечерние посиделки в клубах, породистые собаки и не менее породистые содержанки, оперы, театр, охота, путешествия, игра в науку – какая там наука, думал Ронан Макаллан, если от любой трудности эти сопляки бежали к мамкиной юбке и делали вид, что профессора слишком многое от них требуют? Истинный сын Эйдина, он смотрел на изнеженных детей Логресса с долей презрения. Но не на Эдварда.

Эдвард прятал за показной беспечностью железную волю и выгрызал себе место под солнцем яростно и жестоко. Отец Ронана поначалу считал, что дружба с герцогским отпрыском ни к чему хорошему его собственного сына не приведет, только испортит, как и служба в столице, но после личного знакомства с Эдвардом мнение свое поменял.

– Ему нужно было родиться в Эйдине, – сказал Алек Макаллан и в тот же вечер напоил Эдварда торфяным виски.

Было это очередным испытанием для логрессца или признанием его за своего парня, все еще оставалось загадкой, но Ронан с отцом соглашался.

Эдвард Милле служил Альберту, принцу-регенту, своему дальнему родственнику – то ли троюродному кузену, то ли двоюродному племяннику, дьявол этих аристократов разберет. Альберту было двадцать два; власть и право решать за огромную страну, обрастающую колониями, он получил два года назад, когда его мать, королева Альбертина, заболела душевной болезнью: сначала стала забывать имена и даты, а потом вся ее жизнь превратилась в череду повторяющихся дней, тех, в которые она была по-настоящему счастлива. Только они и остались в ее памяти.

Невероятная трагедия, потрясшая весь Логресс и примыкающие к нему герцогства. Кто-то считал это действием злого заклятия – или проклятия, но Ронан знал, что это не так. Однажды по просьбе Эдварда он провел с Ее Величеством несколько часов. Королева играла на арфе – восхитительно играла, надо сказать, болезнь не отобрала у нее ни беглости пальцев, ни прекрасного слуха, ни чувства ритма, а Ронан слушал и наблюдал, рассматривая мир вокруг королевы и ее саму тем особым зрением, которым обладают Черные ловцы. Никаких прокля-

тий на Альбертине не было, ни следа запрещенной магии, да и магия незапрещенная королевы едва касалась.

С этой точки зрения она была чиста, так он и сказал Эдварду и господам, которых Эдвард собрал ради отчета. Это и было одно из его деликатных дел. Наверное, самое деликатное из всех возможных.

Злые чары можно было снять, распутать клубок проклятия, найти виновного и покарать. С душевным недугом оказалось сложнее: никто не знал, что делать с ним. Ни магия, разрешенная в Логрессе, ни наука, которая стремительно развивалась, ничто не могло гарантированно справиться с тем, что медленно разрушало сознание леди Альбертины. Болезнь превращала молодую еще женщину, красивую, бесконечно талантливую и мудрую, как полагается быть истинной королеве, в безвольную улыбчивую куклу, сонную, как старушка, дремлющая у камина в гостиной.

До тех пор, пока ее дрема не превратится в вечный сон.

Душевные недуги лечили льдом и ментальной магией, порошками, снижающими агрессию у буйных, и еще много чем, но все эти унижительные процедуры и средства не обещали полного восстановления – и никто не собирался королеву им подвергать.

Принц-регент, Малыш Альберт, как называли его за глаза, был, конечно, в ужасе – и за мать, и потому что на его юношеские плечи легла непомерная ответственность. Эдвард говорил, что, если бы они все вовремя не спохватились и не взяли все в свои руки, возможно, в Логрессе случился бы государственный переворот – и вряд ли мягкий и спокойный. Альберту нужны были те, кто помог бы ему не потерять ни корону, ни голову, на которую эта корона надета, пока сам он не научится защищать свое и себя.

Сейчас все шло неплохо. Принц не так давно взял в жены прелестную Элизабету, принцессу Миронера, столько же добрую и милую, сколько недалекую. Вместе с ней ко двору прибыли фрейлины, врач и нянька.

Все это почти не касалось Ронана. К счастью. До этого момента.

Потому что тем самым высокопоставленным лицом, которое он должен был сопровождать, оказалась женщина. Леди Глория дель Розель, одна из фрейлин принцессы Элизабеты и, судя по досье, дочь богемского алхимика и знатной сеньоры из Картахены. В Картахене, говорят, в какую сеньору ни ткни – попадешь пальцем в ведьму, так что опасения Эдварда, его профессиональная подозрительность разыгрались не просто так.

Леди Глория дель Розель предпочитала черный бархат нежному батисту оттенка весенних цветов. Она была старше остальных фрейлин, даже старше принца Альберта, высока и худа. Смоляные волосы, по-картахенски жесткие и выющиеся крупными, упругими кудрями, она собирала в строгий пучок, скрепляла его резным гребнем, а поверх носила черную кружевную мантилью, ни дать ни взять – молодая вдовушка, хотя замужем Глория никогда не была. Ронан видел ее иногда при дворе, но не замечал за молодой женщиной ничего такого, что могло бы стать причиной Охоты. Глория дель Розель была тише воды ниже травы, хотя и держалась в стороне от общества и разве что могла иногда вернуть дерзкое словечко или дать кому-то меткое, не всегда приятное прозвище. Она приехала ко двору не столько как наперсница принцессы, сколько в качестве помощницы врача и в лекарстве смыслила неплохо.

Очень неплохо для женщины.

Весьма сносно для дочери алхимика.

Видимо, подумал Ронан, все идет к делам очень деликатным и окружение принцессы Лиззи, особенно близкое, особенно тех, кто имеет непосредственный доступ к телу и здоровью монаршей особы, решили проверить еще разок.

А может, дело было совсем в другом, и Эдвард разузнал что-то...

Они договорились встретиться на прогулке все втроем: он, Эдвард и Глория дель Розель. День обещал быть солнечным и теплым, к полудню воздух прогрелся так, что по шее Ронана сбегали капли пота. Он прятался в тени старого каштана и наблюдал за всем происходящим вокруг.

Несмотря на жару, в парке было суетно. Люди тянулись сюда, привлеченные сенью деревьев и прохладой от десятка искусственных прудов, чистых, с лилиями и карпами. Продавцы лимонадов зазывали публику, стайка детишек гонялась за чьей-то рыжей собакой по большой лужайке, а у края этой лужайки растерянный гвардеец, кажется, раздумывал, стоит ему вмешаться или нет.

Невдалеке от убежища Ронана на покрывале для пикника расположилась девичья компания под присмотром дамы постарше – чьей-то тетушки или матери. Или просто нанятой компаньонки.

Нравы в Логрессе были строги, но требовали соблюдения формальностей, а не полной аскезы. Одна взрослая дама на пять девиц – более чем достаточно, чтобы все выглядело прилично. Даже если рядом с девицами маячила парочка юношей, от которых не отмахивались и не прогоняли. Знакомые, братья или женихи? Ронан скользнул взглядом по компании, пытаясь угадать это. Взгляд зацепился за одну из девушек: она сидела на самом краю покрывала, уткнувшись в книгу и подобрав под себя ноги, словно в стороне ото всех. Из-под соломенной шляпки выбивались рыжие локоны – яркие, почти красные, Ронан сначала принял их за ленты.

Подумав, что если он продолжит так беззастенчиво смотреть на незнакомку, то у сопровождающей ее леди и у двух женихов-братьев, или кто они там, появятся вопросы, Ронан отвернулся. Очень вовремя: Эдвард и сеньора Глория как раз пересекали резной мостик, переброшенный через Брайт-крик.

Вопреки обыкновению платье на сеньоре Глории сегодня было не черным, а канареечно-желтым. Ни гребня, ни мантильи – только скромная соломенная шляпка с лентой из розового бархата и кружевной зонтик в руке. Что стало тому причиной – жара или внимание, которое привлекла бы фигура в черном посреди летнего сада, Ронан гадать не брался.

Эдвард говорил что-то, а сеньора Глория слушала – внимательно и спокойно. Издалека их можно было бы принять за молодых супругов на той ступени семейной жизни, когда страсть уже схлынула, но взаимный интерес перерос в крепкую привязанность. Услышь это Эдвард – посмеялся бы, а потом стал бы серьезным и дальше держался бы от сеньоры дель Розель на расстоянии, чтобы та же мысль не пришла кому-то из тех его добрых друзей, которым лучше не класть руку в пасть.

Эдвард просто был обходительным, его так воспитывали.

– Ах, вот с кем сэр Милле обещал мне свидание, – сказала сеньора вместо приветствия, когда они встретились под сенью цветущего каштана. – Что же, согласна, вряд ли в этом парке есть фигура интереснее вашей, господин Черный ловец.

Сказала она это тихо и иронично, почти проворковала, лучась странной хитростью. Словно все происходящее ее забавляло, а жара, от которой, казалось, мозги плавятся, а кровь густеет в жилах, делая тело неповоротливым и распухшим, сеньоре Глории была нипочем. На ее лбу не выступило ни капельки пота, ни одна крошечная прядка не прилипла к щеке.

Кожа сеньоры дель Розель была смуглой, глаза под выразительными черными бровями – светло-серыми, живыми и блестящими, как ртуть. И очень умными, слишком умными для женщины в этой стране.

Такие же умные глаза были у королевы, пока болезнь не выела их и не сделала пустыми, как у фарфоровой куклы.

Ронан вежливо кивнул и пожал протянутую руку. Поверх белой кружевной перчатки на пальце Глории поблескивал массивный перстень-печатка, мужской, с символом, который Ронан запомнил, чтобы проверить потом, что он значит.

– Рада познакомиться с вами поближе, – деловито сказала сеньора. Наслышана и восхищена. – Она опустила ресницы.

– Взаимно, сеньора дель Розель, – сухо ответил Ронан.

На их маленьком пикнике Дженни чувствовала себя как рыба в воде. Она села на невесть откуда взявшуюся табуреточку и раскинула юбки бежевого платья, как цветок – лепестки. Пчелы, правда, слетаться не торопились: видимо, жара заставила всех достойных молодых людей Логресса остаться дома. Или уехать куда-нибудь поближе к большой воде.

Дженни это не особо расстраивало. Казалось, ей доставляет невероятное удовольствие одна только возможность сидеть вот так вот, в окружении подруг и сестер. Подруг ее Флоренс видела впервые: две хрупкие блондинки, одинаковые, словно двойняшки, Розы и Дейзи, устроились у ног Дженни и восторженно обсуждали с ней что-то, о чем Флоренс не имела никакого понятия. Матильда же угрюмо таскала клубнику из плетеной корзиночки и поглядывала то на часы, то в книгу, которую взяла с собой.

Флоренс тоже читала. В отличие от Матильды, в руках которой был математический трактат, она взяла какой-то модный роман, одолженный у кузена Бенджи. Вполне возможно, девицам такое читать не полагалось, но леди Кессиди пока не сказала ни слова против, и Флоренс не без удовольствия отвлекалась от болтовни приключениями трех незадачливых путешественников, попавших на необитаемый на первый взгляд остров.

От воды тянуло приятным ветерком. На клубнику напали осы, и Матильде пришлось отодвинуть корзинку подальше. Леди Кессиди время от времени встречала знакомых, с которыми обменивалась любезностями.

Болтовня Дженни и ее подруг (Флоренс выяснила, что они и правда сестры, но не двойняшки – погодки) стала чем-то вроде трескотни кузнечиков или цикад. Иногда со стороны дороги, пересекающей парк, доносились конское ржание, стук копыт и выкрики наездников.

Если бы Флоренс могла, если бы позволяли приличия, она бы легла сейчас прямо на покрывало, брошенное поверх стриженной травы, и смотрела бы в глубокое безоблачное небо. Как в детстве в доме родителей, где разрешалось все: и читать взрослые книжки, даже если ты в них ничегошеньки не понимаешь, и гоняться за бабочками, и громко хохотать.

– И зачем этот пикник? В такую жару, – пробормотала Матильда себе под нос и тут же снова спряталась за книгой.

– Ты просто не умеешь развлекаться, дорогая! – ответила ее матушка, которая, конечно, все слышала.

– Жизнь затворницы портит цвет лица! – заявила Дженни и наклонилась, чтобы прошептать что-то на ухо Розы.

Или Дейзи.

Точно, Розы, у Дейзи в волосах желтая лента, а у ее сестры – розовая.

Все они, казалось, получали странное удовольствие от сидения на покрывале на самом солнцепеке. Флоренс же очень хотелось прогуляться: дойти до глухого тенистого уголка – ведь в этом парке должны быть такие? – спуститься к воде, посмотреть на кувшинки и на то, как в

прозрачной глубине мелькают темные силуэты мелких рыбешек и солнечный свет переливается на донном песке. Но когда она спросила разрешения у леди Кессиди, та запретила, сказав, что неприлично гулять одной.

– И потом, дорогая, тебе же не десять лет, чтобы наблюдать за мальками! – добавила леди Кессиди с усмешкой, потому что Флоренс простодушно сказала ей и про рыб, и про песок, и про солнце. – Пора ловить рыбку покрупнее!

Несложно было понять, что она имела в виду.

Флоренс поймала взгляд Матильды: в нем читались сдержанное сочувствие и обреченность. «Вот так всегда, – говорил этот взгляд. – Ты мне не нравишься, кузина, но я тоже не большая любительница рыбалки».

А потом рыбка покрупнее и вправду появилась.

К тому моменту Флоренс успела заново увлечься книгой и почувствовать, что еще немного – и ее хватит солнечный удар, никакие шляпки и зонтики не спасут. Дженни болтала – и как у нее язык не отсох? Но вдруг болтовня прекратилась, как птичий щебет, Флоренс даже не сразу поняла, что случилось.

Леди Кессиди встала, чтобы поздороваться с кем-то, как она вставала уже с десяток раз, и пригласить знакомых присоединиться к ним. В этот раз они и правда присоединились: двое джентльменов, один какой-то невнятный и серый, с по-мальчишески угловатой фигурой, а второй...

Флоренс всегда считала, что кузен Бенджи невероятно красив. В детстве он казался ей сказочным принцем, а потом, когда они оба подросли, Флоренс не раз заявляла кузену, что будет очень-очень завидовать его невесте, ведь ей достанется самый добрый, самый умный, самый прекрасный мужчина на свете. Бенджамин, конечно, смущался и отшучивался, мол, сестрице просто не с чем сравнить, но Флоренс своих слов назад не забирала. Он был лучшим, что ждало ее в доме Силберов, и она пыталась сказать это так, как могла.

Тем более Бенджамин действительно был красив. И судя по тому количеству писем, записок и иногда даже цветов, которые он получал накануне и после праздников, не одна Флоренс так считала. Правда, ее чувства всегда оставались исключительно сестринскими.

Сейчас же перед ней появился некто, способный свергнуть кузена Бенджи с пьедестала. Флоренс даже представила, как скажет ему об этом вечером и как Бенджамин усмехнется: я же говорил тебе, сестренка, что ты просто слишком редко выходила из дома и слишком мало людей встречалось на твоем пути. Все больше монахини, сироты, да еще лысоватый учитель танцев в вашем пансионе. Откуда тебе знать, кто в Логрессе считается первым красавцем?

– Ох, лорд Дуглас. – Сладость в голосе леди Кессиди сделала бы из чая сироп. – Так приятно встретить вас...

Он наклонился к ее руке и пробормотал какую-то любезность, от которой леди Кессиди заулыбалась и даже зарумянилась. Можно было бы подумать, что она тоже очарована, если бы глаза ее не оставались холодны и спокойны, как глубокие омуты. Она посмотрела на Дженни – та делала вид, что созерцание своих бровей в карманном зеркальце куда интереснее появления какого-то там лорда, пусть даже красивого, как античный бог на полотнах мастера. Флоренс же исподтишка поглядывала в его сторону – на выющиеся медовые кудри до плеч, на прекрасно сидящий костюм из светлого сукна, на то, как лорд Дуглас двигался – с грацией танцора, совершенно довольный собой.

Кузен Бенджи был прав: Флоренс за недолгую жизнь видела слишком мало людей, еще меньше мужчин и совсем мало мужчин того возраста, в котором влюбляются, плетут любовные интриги, флиртуют и приглашают девиц на танец. Так что, когда леди Кессиди представила ее, она растерялась, встала, как ей показалось, слишком неуклюже, а потом не знала, куда деть руки.

– А это моя племянница, Флоренс Голдфинч, – проворковала леди Кессиди, пока два лорда – на второго можно было смотреть, не боясь ослепнуть от сияния красоты, – разглядывали Флоренс с любезными улыбками. – Три месяца как приехала из пансиона.

– Очень приятно, – сказали лорды в один голос.

Флоренс мысленно поблагодарила леди Кессиди за то, что та обошлась без подробностей. Щеки горели, на книге было уже не сосредоточиться.

Матильда бросала теперь другие взгляды. «Ага, – читала Флоренс в глазах кузины. – Ты такая же, как моя сестрица и ее тупоголовые подружки. Только и разговоров, что о помолвках и приемах и о том, кто кому сколько раз улыбнулся и кто с кем танцевал».

Нет, Матильда никогда не говорила о сестре плохо, просто иногда ворчала на ту за семейными ужинами, повторяя слова отца. Но Флоренс вдруг стало стыдно и за свое смущение, и за вспыхнувшие щеки, и за то, что кровь гулко била в висках, а губы пересохли. Матильда, похоже, знала, что все это значит, и злое торжество в ее взгляде ранило в самое сердце.

Так что Флоренс уткнулась в книгу, пытаясь больше не обращать внимания на разговоры вокруг. Они были ни о чем: о погоде, о людях, которых Флоренс не знала, о приемах, спектаклях и балах, на которых она не была. О лошадях, охоте и танцах. В общем, обо всем, о чем Флоренс имела понятия меньше, чем о трущобах, в которых, по словам Бенджамина, жила мисс Лилиан.

Шляпка чуть съехала, длинные пряди, забранные под нее, чтобы было не так жарко, выбились, но Флоренс не могла найти в себе силы поправить прическу. Ей казалось, что все на нее смотрят, что лучше не шевелиться, даже когда рядом, над корзинкой с ломтиками хлеба и вареньем в вазочке, снова начали виться осы. И тогда ощущение жгучего, тяжелого взгляда исчезнет.

Стоило отдать Эдварду должное: он нашел, как устроить их почти секретную встречу, не делая из нее секрета. Яблонева роща в глубине парка прятала крошечную кофейню, хозяева которой арендовали здание старой водонапорной башни. Здесь было дороговато, зато на втором этаже, куда вела кованая винтовая лестница, располагался закрытый кабинет для гостей, которым необходимо уединение.

Видимо, не у одного Эдварда была потребность в тайных свиданиях.

И что бы там ни подумал вежливый лакей, встретивший их у порога, он не сказал ни слова – только проводил леди и двух джентльменов вверх и пообещал принести им лимонад и закуски. И чашку горячего шоколада с перцем для отчаянной сеньоры, которой будто бы мало жары вокруг!

Кованая лестница погромыхла под ногами и затихла. Узкие окна, похожие на бойницы в крепостной стене, снаружи затянул девичий виноград. Было все еще жарко, но не так, как под палящим солнцем, словно здесь, на втором этаже башни, гулял прохладный ветерок. Пахло каменной крошкой, гиацинтами, букет которых стоял в вазе на столе, и речной свежестью.

Эдвард подвинул стул для сеньоры, и та степенно села, поставив сложенный зонт рядом.

– Что скажете, Глория? – спросил Эдвард. – Здесь работал заклинатель или артефактор? Это было похоже на вызов.

Глория на минуту замерла. Ее взгляд скользнул по стенам из красного кирпича, по деревянным балкам на высоком потолке, по гобеленам и мебели, словно сеньора что-то искала. Ее светло-серые глаза на миг обрели почти металлический блеск, зрачки сузились, а на лице

вдруг проступила гротескная маска безразличия. Тоже на миг, но Ронан успел понять все, что должен был понять.

– Артефактор, несомненно. – Сеньора Глория повернулась к Эдварду; ничего странного в ее лице уже не было. Разве что смуглая кожа слегка побледнела. – Я не вижу ни печатей на стенах, ни узоров плетения. Хозяин этого места отдал немало за некий хитрый механизм, который прячется где-то... – Глория снова сощурилась. – Думаю, где-то внутри балок или в одной из стен. Ну что, господин Черный ловец? – Теперь Глория смотрела прямо на Ронана, чуть насмешливо и ни капли не испуганно. – Кто перед вами? Ассистентка придворного врача или картахенская ведьма?

– Дочь алхимика, – ответил Ронан спокойно, хотя кто-то более склонный к соблюдению формальностей уже надевал бы на тонкие запястья сеньоры дель Розель Петлю Гилберта – заклятие, запрещающее творить магию, один из инструментов ловцов. – И пожалуй, все-таки ведьма. Умная ведьма, которая не высовывается.

Она не кивнула, лишь прикрыла на миг свои невероятные глаза. Ртуть блеснула сквозь густые, по-картахенски черные ресницы. Глория соглашалась с тем, что он сказал: она действительно ведьма, и она умная ведьма, которая умеет сидеть тихо, как мышь под метлой – прямо под носом у кота. Точнее, у ловца. Так тихо, что ни у Ронана, ни у кого-либо другого не было ни единого повода получше присмотреться к Глории или задать ей несколько неудобных вопросов.

Сидела бы себе и сидела, так нет же. Значит, случилось то, что заставило ее выйти на свет, – опираясь на руку Эдварда, который, и Ронан это хорошо знал, не стал бы помогать чужачке, будь она опасна для Альберта, королевы или Логресса вообще.

– Так зачем госпожа ведьма решила явить себя перед таким, как я? – спросил Ронан прямо. И посмотрел не на Глорию – на Эдварда Милле, притихшего и довольного, как сытый кот.

Глория печально усмехнулась и пожала плечами.

– Я все расскажу. Но после того, как получу свою чашку шоколада, господин ловец. Мне, поверьте, нелегко далось это решение!

Горячий шоколад и правда был горяч, но у сеньоры Глории ни капельки пота на лбу не выступило. Она сделала несколько глотков из крошечной чашечки и поставила ее на блюдце, расписанное незабудками и золотыми листиками.

– Пожалуй, *вам* стоит начать этот рассказ, Эдвард, – сказала она мягко. – Или я начну со своей стороны?

Эдвард нахмурил брови и фыркнул. Он сидел, откинувшись на спинку стула, очень вольготно и совсем не так, как принято сидеть в присутствии дамы. Но рядом, конечно, не было тех, кто сделал бы ему замечание.

– Принцесса готовится стать матерью, – сообщил он холодно.

Ронан не смог сдержать радостного изумления.

– Я подозревал, но...

– Готовится стать не в том смысле, что они... уже, – поправил Эдвард сам себя. – Это деликатная история, Ронан, но слухи, которые приходилось давить, как жаб, до того как они выпрыгнут за пределы дворцовых кулуаров, правдивы. У принца-регента и его жены очень долго не получалось зачать.

– У иных пар уходит несколько лет. – Ронан задумчиво посмотрел на хрустальный графин, в котором плавали лед и кусочки лимонов.

Графин этот очень хотелось приложить ко лбу запотевшим боком.

– У иных пар нет в распоряжении всех достижений науки, которые существуют в этой стране в данный момент. – Эдвард покачал головой. – А Элизабета очень хочет ребенка. В этом, понимаешь ли, ее долг.

Он помрачнел. Это выглядело так, словно на солнце вдруг набежала небольшая, но плотная тучка и весь мир стал приглушенно-серым. Эдварду, привыкшему все тяготы судьбы воспринимать с легкой улыбкой на губах, что-то не нравилось – и это было странно.

– Ее Высочество страстно хочет стать матерью, и я понимаю ее как женщина, – осторожно продолжила Глория. – Если она окажется вдруг бесплодна, хотя ни у одного из врачей нет причин подозревать это, принц-регент имеет полное право расторгнуть брак. А Лиззи привязалась к нему совершенно искренне. – Сеньора помешала шоколад в чашке крошечной серебряной ложечкой. – Да и возвращение будет для нее почти позором. Так что да, принцесса Элизабета готова на все, чтобы зачать дитя от своего мужа.

– И тут на сцене появляется сеньора дель Розель, – подхватил Эдвард с недоброй усмешкой. – Ассистентка королевского врача, дочь алхимика и картахенской ведьмы.

– Хитанос.

Эдвард посмотрел на нее с неподдельным изумлением, а Глория опустила взгляд, как девушка, воспитанная в строгости и потому ко лжи неспособная, но вдруг обвиненная в мелочном вранье.

– Моя бабка была из хитанос, – сказала она негромко. – Мой дед, картахенский идалго, взял ее в жены, несмотря на протесты родни, а потом ему пожаловали титул. За особые заслуги перед королем Филиппом и королевой Изабеллой, так что бабке Люците состряпали легенду о происхождении, и матушка моя родилась уже полноправной аристократкой. Чистокровной, что твоя любимая охотничья сука. – Глория усмехнулась. – Но, как видите, кровь осталась горячей, так что моя матушка сбежала в Богемию за возлюбленным, бродячим алхимиком, которого чуть не сожгли за шарлатанство. А там родились я и мои братья.

– И дар у вас от матери, – понял Ронан. – Потому что ваш отец был всего лишь алхимиком – артефактором, а не заклинателем – и где-то просчитался, за что едва не поплатился жизнью. А она его спасла.

– Конечно. – Она тонко улыбнулась. – Поскреби картахенскую дворянку – найдешь хитанос. А хитанос все ведьмы. Потому их не любят и гонят прочь. Только вот я, господин Черный ловец, в силах договориться с нашей богиней, Бледной Донной, чтобы ваша принцесса наконец родила вашему регенту наследника.

– Это звучит как сделка.

Ронан почувствовал себя так, словно ему впервые в жизни предложили взятку. Черным ловцам взятки обычно не предлагали: за такое можно было и на костре сгореть. И не будь рядом Эдварда – человека, который всю жизнь положил на процветание Логресса, и лучшего друга, в чести которого Ронан никогда не осмелился бы сомневаться, – Глория дель Розель вышла бы из старой водонапорной башни с Холодной Цепью на запястьях и отправилась бы напрямик в подвалы Нортгейтской тюрьмы, самой страшной в Логрессе. В ее стенах держали тех, кто нанес стране или любому из ее жителей вред, используя алхимию, заклятия или иное колдовство, в том числе призвав в мир созданий из других Пространств. Такое тоже было, правда, очень давно, и Ронан, читавший архивы, не хотел бы однажды столкнуться с Призывающим.

– Это сделка, – прямо подтвердил Эдвард. – Потому что, если принцесса не родит, уже не важно, мальчика или девочку, боюсь, у нас случится дипломатический скандал.

Ронан поджал губы и посмотрел на этих двоих уже иначе.

– Тогда какого демона мы обсуждаем столь важный вопрос не в твоем кабинете, а в проклятой кофейне со снующими туда-сюда официантами?

Эдвард и сеньора дель Розель переглянулись, словно спрашивали друг друга, как в начале беседы, кто из них скажет правду.

– В моем кабинете, – осторожно сказал Эдвард, – завелись уши. И пока их не вычислили, мне проще попросить сеньору дель Розель прогуляться с нами, держа в кармашке одну маленькую безделушку.

Глория протянула ладонь, на которой лежало нечто, похожее на компас или часы. За толстым прозрачным стеклышком двигались шестеренки, блестели грани кристаллов, изредка что-то помигивало, вспыхивали искры.

– Подарок отца, – пояснила Глория. – Нас не слышно, пока движется стрелка, пока не кончился завод. Без этой безделушки, мистер Милле, я бы не продержалась при дворе так долго, – добавила она и усмехнулась Эдварду.

– А с ней, сеньора, я имею полное право арестовать вас, – строго сказал Ронан.

– Не имеете, господин ловец. – Глория повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Ртуть в ее радужках переливалась, как настоящая. – Использование волшебных вещей, пока оно не приносит вреда чьей-то жизни, не ваша юрисдикция. Поверьте, прежде чем ехать в Логресс, я прочитала обо всем, с чем могу столкнуться. Я знаю, кто вы, Ронан Макаллан. И я готова работать с вами, потому что вы теперь знаете, кто я.

Глава 4

После того пикника все вокруг стало меняться так стремительно, что Флоренс чувствовала себя не на своем месте. Спокойное, почти ленивое течение ее жизни, загнанное в берега из условностей, обязанностей и запретов, превратилось в звонкий ручей, словно кто-то взорвал плотину. Флоренс несло вперед, как случайно подхваченную потоком веточку, швыряло из стороны в сторону, от берега к берегу, ударяло о каменные пороги, но смеяться от этого хотелось больше, чем плакать.

После того пикника были еще: и пикники, и чаепития, на которых Флоренс сидела рядом с кузинами и по большей части молчала, не зная, о чем говорить с блестящими дамами и молодыми джентльменами, которых леди Кессиди приглашала в дом. И которые, к счастью или к сожалению, замечали Флоренс куда реже, чем Дженни.

Были званые вечера и обеды не дома. Там соседом Флоренс оказывался в лучшем случае какой-нибудь застенчивый, как она сама, юноша, от смущения роняющий приборы. В худшем – господин возраста лорда Силбера, и тогда приборы роняла сама Флоренс. От страха.

Лорд Дуглас мелькал время от времени и держался поближе к Дженни: даже от наивной Флоренс не укрылось то, что эти двое играли в какую-то игру. В игру, правилами которой запрещено показывать, что вы следите друг за другом, как кошки за голубями.

В театре, куда леди Кессиди как-то вывела их всех – троих девиц и Бенджамина, – бинокль Дженни то и дело поворачивался совсем не в сторону сцены. На прогулках Дженни то казалась слишком беспечной, нарочито восторженной, то вдруг становилась натянутой, как струна арфы, и нервно озиралась или без объяснений решала свернуть на ближайшую тропинку в парке.

Однажды поздним вечером Флоренс, засидевшаяся за книгой, решила спуститься в столовую, чтобы налить себе свежей воды. Дом дяди находился далеко от набережных, но день выдался душным, а к вечеру в сад проникли желтоватые, неприятные шупальца тумана. Флоренс чудился в воздухе запах чего-то прогорклого, тухлой рыбы, гниющих топей, и вода в графине, простоявшая весь день, вдруг тоже начала отдавать болотом.

Звать служанку не хотелось, и Флоренс, набросив домашний халат, выскользнула из комнаты. Дом дремал или делал вид, что погружается в дрему. Леди Кессиди сидела у себя в спальне, обмазав лицо густым слоем очередного чудодейственного крема. Матильда давно ушла спать: она педантично следовала собственному расписанию и очень дулась, если из-за капризов матери или сестры приходилось возвращаться домой позже обычного. Дядюшка если и вернулся, то сидел в кабинете, а может, тоже пошел спать, ну а кузен Бенджи где-то кутил. Он сам это сказал, пообещав вернуться до рассвета и в этот раз не пользоваться окном рядом

со спальни Флоренс, – в прошлый раз он разбудил ее, и она чуть не подумала, что в дом лезут грабители.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.